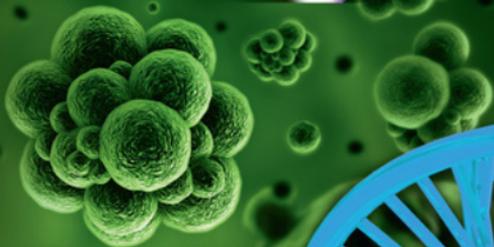

ВЛАДИМИР БЕХТЕРЕВ

Академик, д.м.н., всемирно известный русский психиатр, невропатолог, физиолог, психолог

МОЗГ И ВНУШЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК ГЕН
ВСЕЛЕННОЙ

Владимир Михайлович Бехтерев

Мозг и внушение

Серия «Человек – ген Вселенной»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8917045
Мозг и внушение: АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-08681-4

Аннотация

Владимир Бехтерев первым вторгся в святая святых человека – его сознание. И смог не только излечивать от самых серьезных болезней, но и управлять людьми с помощью внушения и гипноза. Он провел сотни уникальных опытов гипноза, после которых люди чудесным образом возрождались и избавлялись от своих пагубных привычек: алкоголизма, курения, наркомании.

В этой книге раскрывается сущность внушения как психического феномена, механизмы возникновения психических эпидемий и роль различных видов внушения в их зарождении и распространении во время кризисных ситуаций в обществе.

Книга также издавалась под названием «Феномены мозга»

Содержание

Предисловие	5
Внушение проникает в психическую сферу незаметно и без сопротивления со стороны внушаемого лица	10
Из истории болезни	16
Жанна д'Арк, Магомет, Петр I, Наполеон увлекали за собой массы народов, как гипнотизеры	27
Из истории болезни	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Михайлович Бехтерев

Мозг и внушение

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

«У него была яркая жизнь и таинственная смерть»

У известного ученого Владимира Михайловича Бехтерева было трудное детство, бурная юность, яркая жизнь и таинственная смерть. Он до сих пор остается одной из самых крупных фигур в отечественной медицине – и не только. Биография Бехтерева широко известна, и нет смысла пересказывать ее подробно, однако хотелось бы отметить некоторые существенные моменты.

Владимир Михайлович родился далеко от всех столиц и крупных городов, рано потерял отца и воспитывался матерью в весьма стесненных финансовых условиях. Тем не менее ему удалось получить классическое образование российского интеллигента. Его *alma mater* стала Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия (впоследствии Военно-медицинская). В молодости Владимир Михайлович участвовал в студенческих демонстрациях, а также воевал на русско-турецком фронте. От войны он был не в восторге, хотя потом довольно долго, даже в годы Советской власти, носил шинель офицера царской армии.

Бехтерев с юных лет был человеком деятельным и весьма жадным до знаний. Многие проблемы, за решение ко-

торых он активно брался, преодолевал буквально штурмом, с истинно военным подходом, используя при этом как личное обаяние, так и пробивные способности. А брался он за очень многое, от формулировок новых научных течений до создания новых институтов. Бехтерев был прекрасным организатором и въедливым ученым, исследующим различные аспекты функционирования человека, особенно в системе «человек – среда». Невероятно пытливый ум позволил Владимиру Михайловичу стать анатомом, неврологом, невропатологом, клиницистом, психиатром (в том числе плотно работавшим с проблемой алкоголизма и алкогольных зависимостей). Также он работал в областях социологии, психологии и педагогики, внося существенный вклад в развитие этих дисциплин.

Бехтерев был активным популяризатором науки. На его счету более пятисот научных и научно-популярных работ, написанных без помощи пишущей машинки и компьютера.

Да, в рамках своей научной деятельности Владимир Михайлович подчас был резок в суждениях, что, возможно, в общем было свойственно тому времени: тот же Фрейд называл своих учеников, не ставших последователями, «невротиками», а Бехтерев, по слухам, не гнушался использовать слово «дегенераты», в том числе в адрес сильных мира сего. До революции он во всеуслышание говорил, что «страной руководит полоумный иеромонах», за что в том числе был любим Советской властью; однако и в адрес ее деятелей он то-

же бросал реплики, похожие на диагнозы, пользуясь крепкими словечками из психиатрического лексикона. А чего стоит его выступление на открытии Первого съезда Русского союза психиатров и невропатологов в 1911 году, в котором он отмечает, что единственное место непритеснения в России – это психиатрические больницы!

Кроме того, Владимир Михайлович критиковал классических психоаналитиков, и в частности, того же Фрейда, но это уже была весьма конструктивная критика, тот самый научный спор, в котором рождается истина и продолжает свое развитие сама наука.

Одним из основных научных интересов Бехтерева, по сути давшим начало именно российской психотерапии, стали гипнология и гипносуггестивные техники как таковые. Бехтерев сам был не только теоретиком, но и активным практиком в области гипнологии и суггестии (внушения), особенно в плане лечения алкоголизма. Это направление его работ получило развитие в советское время: на него опиралась почти вся советская психотерапия и гипнология вплоть до развала СССР. И в принципе в области гипнологии и психотерапии в целом Россия была авторитетом во многом благодаря мощному вкладу Бехтерева в развитие гипносуггестивных методик.

Если набрасывать своего рода «научную генеалогию», то известный ученый Жан-Мартен Шарко, который сменил тер-

мин «магнетизм» на «гипнотизм» и стал одним из «отцов» гипносуггестии, был учителем как Фрейда, так и Бехтерева. Бехтерев, в свою очередь, был учителем таких крупных советских психиатров-гипнологов, как П.И.Буль и В.Е.Рожнов. А непосредственным учеником Рожнова – своего рода «научным внуком Бехтерева» – является в свою очередь и ваш покорный слуга.

Современные психиатрия и гипнология активно развиваются до сих пор, в том числе благодаря трудам Бехтерева и основываясь на них. Бехтерев пошел дальше своего учителя Шарко в том, что исследовал «гипнотизм» не как некое таинственное и непостижимое явление, а как одну из естественнонаучных проблем, нуждающуюся в столь же научном исследовании. В том числе и за счет такого основательного поворота решение многих проблем функционирования человеческого мозга, казавшихся ранее «скрытыми завесой тайны», сегодня решено учениками Бехтерева. А некоторые направления его работы – например, изучение биохимических изменений в человеческом организме как результата гипносуггестии – и сейчас активно продолжаются, и доклады по ним звучат на различных современных психотерапевтических конгрессах.

Бехтерев благодаря своему научному подходу к жизни оказался весьма прозорливым человеком. Взять хотя бы такое известное его изречение, что «Если больному после разговора с врачом не становится легче, то это не врач». Столь

же злободневно сегодня звучат и многие другие его высказывания: «Фанатизм разжижает мозги», «Нельзя быть вождем народа, не воплощая его мечтаний», «С толпой говорить надо, не столько убеждая, сколько рассчитывая возбудить ее горячими словами», «Алкоголизм является таким социальным злом, которое трудно вообще переоценить» и т. п. Некоторые его фразы обрели силу афоризмов и активно используются людьми, даже весьма далекими от медицины.

Таков был крупный ученый, исследователь и бунтарь – Владимир Михайлович Бехтерев. Даже своей неожиданной смертью он породил множество домыслов и легенд, среди которых пока не установлена однозначная истина. И в ряду ключевых его работ по гипносу и суггестии – книга “Мозг. Внушение. Телепатия”, ставшая учебником для многих специалистов-гипнологов не только в России, но и во всем мире.

Н.Н. Наричын,

врач-психотерапевт, психоаналитик

Внушение проникает в психическую сферу незаметно и без сопротивления со стороны внушаемого лица

...Что такое внушение? Вопрос, о том, что такое внушение, есть один из важнейших вопросов новейшей психологии и общественной жизни, получивший в последнее время огромное практическое значение благодаря в особенности изучению гипнотизма; тем не менее ныне твердо установлено, что внушение вообще является актом гораздо более широким, нежели собственно гипнотическое внушение, так как первое проявляется в бодрственном состоянии и притом наблюдается в общественной жизни везде и всюду при весьма разнообразных условиях. Несмотря, однако, на огромную практическую важность внушения, его психологическая природа до сих пор еще представляется в такой степени малоизученной, что этому понятию различные авторы придают и придают весьма различное значение.

Уже в своей работе «Роль внушения в общественной жизни» я обратил внимание на разноречия авторов по этому поводу и на ту путаницу, которая от этого происходит. «Еще недавно этот термин, – говорю я, – не имел особого научного

значения и употреблялся лишь в просторечии главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно специальное научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными. Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения»...

Есть много примеров, где внушение входит в психическую сферу незаметно для самого лица и без всякой борьбы и сопротивления с его стороны.

Вообще можно сказать, что внушение, по крайней мере, в бодрственном состоянии, гораздо чаще проникает в психическую сферу именно таким незаметным образом, и во всяком случае без особой борьбы и сопротивления со стороны внушаемого лица. В этом и заключается общественная сила внушения. Возьмем пример: «Среди улицы, на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые тома болтовни, льстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено, они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глазееет на «чудесные» предметы, выставленные ей на удив-

ление. Еще несколько минут, и толпа начинает покупать вещи, про которые торговец внушает, что они прекрасные, дешёвые».

Доказательства уличного оратора нелепы, его мотивы презренны, и, однако, он обыкновенно увлекает за собой массу, если только не подвернется другой оратор и не увлечет ее в другом направлении.

«Уличный оратор влезает на полено или на повозку и начинает разглагольствовать перед толпой. Грубейшим образом он прославляет великий ум и честность народа, доблесть граждан, ловко заявляя своим слушателям, что с такими дарованиями они должны ясно видеть, как зависит процветание страны от той политики, которую он одобряет, от той партии, доблестным поборником которой он состоит. Его доказательства нелепы, его мотивы презренны, и, однако, он обыкновенно увлекает за собой массу, если только не подвернется другой оратор и не увлечет ее в другом направлении. Речь Антония в «Юлии Цезаре» представляет превосходный пример внушения».

Очевидно, что в этом случае действие внушения не осуществилось бы, как скоро было бы замечено всеми, что торговец не в меру расхваливает свои предметы, что уличный оратор преувеличивает значение своей партии, вздорным образом восхваляя ее заслуги. По крайней мере, все, для которых ясна вздорность и лживость уверений, в таких случаях

тотчас же отходят от таких ораторов, вокруг которых остается только доверчивая толпа слушателей, мало понимающая в деле, не замечающая ни грубой лести, ни лживых заявлений и потому легко поддающаяся внушению.

Итак, в действиях последнего, по крайней мере в большинстве случаев, нет ничего «насильственного», нет ничего такого, что должно быть «преодолеваемо», наконец, нет и ничего такого, от чего «сознание субъекта стремится избавиться». Все происходит самым обычным, естественным порядком, и, однако, это есть настоящее внушение, которое вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия. Нет, конечно, надобности доказывать, что в отдельных случаях внушение действительно встречает сопротивление со стороны человека, которого оно имеет в виду, и тем не менее оно проникает в сознание, как паразит, после известной борьбы, почти насильственным способом.

Один из прекрасных поэтических примеров внушения, проникающего в сознание после известной борьбы, представляет внушение со стороны Яго на Отелло, который первоначально встречает это внушение сильным сопротивлением, но затем постепенно поддается ему, когда «яд ревности» начинает совершать в душе Отелло свою губительную работу. Также и некоторые из внушений, производимых в гипнозе, иногда встречаются известным противодействием со стороны гипнотизируемого лица. Особенно часто это случает-

ся с лицами, которым внушают произвести поступок, противоречащий их нравственным убеждениям. Как известно, некоторые из французских авторов по степени сопротивления лица, которому производятся внушения, противоречащие общепринятым нравственным понятиям, находили возможным даже определять нравственность данного лица.

Все происходит самым обычным, естественным порядком, и, однако, это есть настоящее внушение, которое вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия.

Очевидно, что в гипнозе личность большей частью не вполне устраняется, она только потухает в известной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере.

Тем не менее ничего обязательного и даже характерного для внушения в противодействии ему со стороны лица, которому производится внушение, мы не имеем, так как множество внушений вступает в психическую сферу того или другого лица без малейшего сопротивления с его стороны. Одному лицу, находящемуся в бодрственном состоянии, я говорю, что у него начинает стягивать руку в кулак, что всю его руку охватывает судорога и ее притягивает к плечу, и это внушение тотчас же осуществляется. Другому я говорю, что он не может брать рукой окружающих предметов, что она у него парализована, и оказывается, что с этих пор в самом

деле он лишился употребления руки. Все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по-прежнему владеют своей рукой. Ни в том, ни в другом случае, как и во многих других случаях, нет и тени сопротивления.

...Нельзя также думать, что внушение не допускает критики. Сопротивление внушению, где оно имеется, ведь и основано на критике, на уяснении внутреннего противоречия внушаемой идеи с убеждениями данного лица, на несогласии с ним его «я». Иначе ведь не было бы и сопротивления. Отсюда очевидно, что внушение в известных случаях не исключает даже и критики, не переставая быть в то же время внушением.

Это обычно замечается в слабых степенях гипноза, когда личность еще относится с критикой ко всему окружающему, и в том числе к внушению.

Из истории болезни

Одному лицу я внушаю в гипнозе, что по пробуждении он должен взять со стола фотографическую карточку, которую он увидит. Когда он проснулся, он почти тотчас же осматривает поверхность стола и останавливает свой взор на определенном месте. «Вы что-нибудь видите?» – спрашиваю я. «Вижу карточку». Я прощаюсь с ним, намереваясь уйти; но он все еще обращает свой взор на стол. «Не нужно ли вам что-нибудь сделать?» – спрашиваю я. «Мне хотелось взять эту карточку, но мне ее не надо!» – отвечает он и уходит, не выполнив внушения и, очевидно, борясь с ним. Очень хороший тому пример мы находим также у Б. Сиддиса (доктор, преподаватель Гарварда Борис Сиддис. – *Ред.*). Человеку, находящемуся в слабой степени гипноза, делается внушение, что он, услышав стук, возьмет сигаретку и зажжет ее. «Пробудившись, он помнил все. Я быстро стукнул несколько раз. Он встал со стула, но сейчас же сел опять и, смеясь, воскликнул: «Нет, я не стану этого делать!» – «Что делать?» – спросил я. «Зажечь сигаретку, это бессмыслица!» «А вам очень хотелось это сделать?» – спросил я, представляя желание прошедшим, хотя было ясно, что он теперь с ним борется. Он не ответил. Я снова спросил: «Вы очень желали это сделать?» – «Не очень», – отвечал он коротко и уклончиво».

Таким образом, «принятие без критики внушенных идей

и действий» также не составляет безусловной необходимости для внушения, хотя и бесспорно, что большинство внушений входит в психическую сферу, как о том говорилось ранее, без всякого сопротивления.

Равным образом полного автоматизма мы не находим и в осуществлении внушения. Известно, как часто мы встречаем даже у лиц, погруженных в гипноз, что внушение осуществляется не без некоторой борьбы. То же мы наблюдаем и в случаях послегипнотического внушения. Иногда эта борьба кончается тем, что внушение, бывшее на пути к осуществлению, в конце концов остается не осуществленным вовсе, как это было в только что приведенных примерах. Правда, это противодействие бывает различно, смотря по силе внушения, по его характеру, по тем или другим внешним условиям, тем не менее оно возможно и во многих случаях существует. Следовательно, и двигательный автоматизм далеко не может считаться неотъемлемой принадлежностью внушения.

Внушение входит часто в психическую сферу незаметно, без всякого насилия.

Итак, внушение входит часто в психическую сферу незаметно, без всякого насилия, иногда вызывает борьбу со стороны личности внушаемого субъекта, подвергается с его стороны даже критике и выполняется далеко не всегда автоматически.

Надо, впрочем, заметить, что в других случаях внушение

действительно входит в психическую сферу как бы насильственным образом и, будучи принято без всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполне автоматически. Примером таких внушений может служить способ внушения аббата Faria, действовавшего одним приказанием. К этому же порядку внушения относится и всем известная команда, которая основана везде и всюду не столько на силе страха за непослушание и на сознании рациональности подчинения, сколько на действительном внушении, которое в этом случае врывается в сознание насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумывания и критики, приводит к автоматическому выполнению внушения.

Очевидно, что сущность внушения заключается не в тех или других внешних его особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления. Вообще говоря, внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое производится намеренно или ненамеренно со стороны внушающего лица и которое может происходить или незаметно для лица, которому производится внушение, или же с его ведома и согласия.

Для выяснения сущности внушения мы должны иметь в виду, что наше восприятие может быть активным и пассивным. При первом обязательно участвует «я» субъекта, которое направляет внимание, соотносясь с ходом нашего мышления и окружающих условий, на те или другие предметы

и явления. Последние, входя в психическую сферу при участии внимания и усваиваясь путем обдумывания и размышления, становятся прочным достоянием личного сознания или нашего «я».

Этот род восприятия, приводя к обогащению нашего личного сознания, лежит в основе наших взглядов и убеждений, так как дальнейшим результатом активного восприятия является работа нашей мысли, приводящая к выработке более или менее прочных убеждений. Последние, входя в содержание нашего личного сознания, временно скрываются за порогом сознания, но так, что каждую минуту по желанию «я» они вновь могут быть оживлены путем воспроизведения пережитых представлений.

Но, кроме активного восприятия, многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия нашего «я», когда внимание наше чем-либо занято, напр. при сосредоточении на какой-либо мысли, или когда внимание наше вследствие тех или других причин ослаблено, как это наблюдается, напр., в состоянии рассеянности. И в том, и в другом случае предмет восприятия не входит в сферу личного сознания, а проникает в другие области нашей психической сферы, которые мы можем назвать общим сознанием. Это последнее является достаточно независимым от личного сознания, благодаря чему все, что входит в сферу общего сознания, не может быть нами по произволу введено в сферу личного сознания. Но тем не менее продукты общего созна-

ния могут при известных условиях входить и в сферу личного сознания, причем источник их первоначального возникновения не всегда даже и распознается личным сознанием.

Кроме активного восприятия, многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия нашего «я», когда внимание наше чем-либо занято.

Целый ряд разнородных впечатлений, входящих в психическую сферу при пассивном восприятии без всякого участия внимания и проникающих непосредственно в сферу общего сознания, помимо нашего «я», образует те неуловимые для нас самих воздействия окружающего мира, которые отражаются на нашем самочувствии, придавая ему нередко тот или другой чувственный тон, и которые лежат в основе неясных мотивов и побуждений, нередко нами испытываемых в тех и других случаях. Сфера общего сознания вообще играет особую роль в психической сфере каждого лица. Иногда впечатление, воспринятое пассивно, входит благодаря случайному сцеплению идей и в сферу личного сознания в виде умственного образа, новизна которого нас поражает. В отдельных случаях образ этот, принимая пластические формы, возникает в виде особого внутреннего голоса, напоминающего навязчивую идею, или даже в виде сновидения или настоящей галлюцинации, происхождение которой обычно лежит в сфере продуктов деятельности общего сознания. Когда личное сознание ослабевает, как это мы наблюдаем во

сне или в глубоком гипнозе, то на сцену сознания выдвигается работа общего сознания, совершенно не считающаяся ни со взглядами, ни с условиями деятельности личного сознания, вследствие чего в сновидениях, как и в глубоком гипнозе, представляется возможным все то, о чем мы не можем даже и помыслить в сфере личного сознания.

Вряд ли можно сомневаться в том, что внушение относится именно к порядку тех воздействий на психическую сферу, которое происходит помимо нашего «я», проникает непосредственно в сферу общего сознания. Еще в своей работе «Роль внушения в общественной жизни» (СПб., 1898) я определил внушение после соответствующих разъяснений следующим образом:

«Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания». Я пояснил при этом, что «в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе как при посредстве логического мышления и с участием личного сознания».

... Несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание,

так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению.

И приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению.

Так, приказ действует прежде всего силой страха за возможные последствия непослушания через сознание необходимости выполнения в силу разумности подчинения вообще и т. п. В этом отношении приказание действует совершенно подобно убеждению. Но независимо от того приказание действует, по крайней мере в известных случаях, и непосредственно на психическую сферу как внушение. Как известно, термин «внушение» до введения его в психологию предпочтительно употреблялся публикой для выражения властного влияния одного лица на другое. Лучшим примером влияния приказа как внушения может служить команда, которая действует, как известно, не только путем страха перед последствиями за непослушание, но и путем прямого внушения, не давая возможности здраво обсудить предмет команды. Точно так же и пример, с одной стороны, действует, несомненно, на разум путем убеждения в полезности того, что человек видит и слышит; с другой стороны, пример может действовать и наподобие психической заразы, иначе говоря, путем прямого внушения, как совершенно невольное и безот-

четное подражание.

В этом отношении мы напомним о заразительном влиянии публичных казней, о самоубийствах из подражания, о передаче путем подражания судорожных болезненных форм и т. п.

Что касается других форм воздействия одних лиц на других, как требование, советы, выражение надежды или желания, то, в сущности, они не имеют в виду ничего более, как предоставить материал для суждения другому лицу, а следовательно, имеют в виду поддержать или укрепить в нем определенное убеждение, хотя в известных случаях и эти формы воздействия могут влиять непосредственно на сознание наподобие внушения.

Таким образом, как приказание, так и пример, а равно и другие формы психического воздействия одних лиц на других действуют в одних случаях путем убеждения, в других случаях путем внушения, чаще же они действуют одновременно и как убеждение, и как внушение и потому не могут быть рассматриваемы как самостоятельные способы воздействия одних лиц на других, подобно убеждению и внушению... Поэтому-то и в слове «внушать» мы подразумеваем не только особый способ воздействия на то или другое лицо, но и возможный результат этого воздействия, и, с другой стороны, в слове «внушение» мы подразумеваем не только достигнутый результат в психической сфере данного лица, но и в известной мере тот способ, который привел к этому

результату.

По нашему мнению, в понятии внушения прежде всего содержится элемент непосредственности воздействия. Будет ли внушение производиться посторонним лицом при посредстве слова, или воздействие производится при посредстве какого-либо явления или действия, т. е. имеем ли мы словесное или конкретное внушение, оно всегда влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу, помимо сферы личного сознания или по крайней мере без переработки со стороны «я» субъекта, благодаря чему происходит настоящее прививание того или иного психофизического состояния.

Пример может действовать и наподобие психической заразы, иначе говоря, путем прямого внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

Равным образом и те состояния, которые известны под названием самовнушения и которые не требуют посторонних воздействий, возникают обычно непосредственно в психической сфере, когда, например, то или другое представление проникло в сознание как нечто готовое в форме внезапно явившейся и поразившей сознание мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. д. Во всех этих случаях психические воздействия, возникающие помимо постороннего вмешательства, прививаются к психической сфере также непосредственно в обход критикующего

и самосознающего «я» или того, что мы называем личным сознанием.

Таким образом, внушать – значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний помимо его «я», т. е. в обход его самосознающей и критикующей личности.

РЕЗЮМЕ

Если внушение есть нечто иное, как воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия личного сознания данного лица, которому производится внушение, то очевидно, что оно может проявляться легче всего в том случае, когда проникает в психическую сферу или незаметно, вкрадчиво, при отсутствии особого сопротивления со стороны «я» субъекта, или по крайней мере при пассивном отношении последнего к предмету внушения, или же когда оно сразу подавляет психическое «я», устраняя

всякое сопротивление со стороны последнего...

Жанна д'Арк, Магомет, Петр I, Наполеон увлекали за собой массы народов, как гипнотизеры

...Когда на мою долю выпала высокая честь, согласно установившемуся академическому обычаю, произнести речь в торжественном актовом собрании, я после некоторых колебаний решил остановиться на практической теме и выбрал вопрос о внушении как факторе, играющем видную роль в нашей общественной жизни.

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве *contagium vivum*, или физических микробах, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о *contagium psychicum*, приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и невидимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом, где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.

...Как о распространении физического заражения еще так недавно господствовали самые смутные представления до тех пор, пока не явилась возможность производить чи-

стые культуры микробов и с помощью их производить искусственные прививки болезней, так точно и в вопросе о внушении и психической заразе существовало множество самых сбивчивых и неясных представлений до тех пор, пока не явилась возможность ближе изучить условия искусственного прививания тех или других психических состояний с помощью намеренного внушения.

Опыт показывает, что такое намеренное прививание тех или других психических состояний удастся лучше всего в особом состоянии сознания, которое мы называем гипнозом и которое, на мой взгляд, есть не что иное, как искусственно вызванное видоизменение нормального сна.

Где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.

...Так как, однако, это состояние пассивности ничуть не идет рука об руку с глубиною сна, а зависит в значительной степени также от индивидуальных условий, то отсюда очевидно, что и степень восприимчивости к внушениям не стоит в прямом соотношении с глубиною гипноза.

Опыт показывает далее, что гипноз не составляет необходимого условия для внушения, что внушение вполне возможно и в совершенно бодрственном состоянии, следовательно, при наличности воли. Есть лица, у которых внуше-

ния могут быть производимы в бодрственном состоянии так же легко и просто, как и в состоянии гипноза.

Исследуя сам неоднократно таких лиц, я убедился, что они, по существу, ничем не отличаются от всех прочих, кроме, быть может, большей нервности и впечатлительности.

При этом не подлежит никакому сомнению, что восприимчивость их к внушениям происходит в нормальном психическом состоянии.

Но суть в том, что эти лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия. Благодаря этому внушения входят в их психическую сферу помимо их «я», точнее говоря, помимо их личного сознания, следовательно, прививаются непосредственно, так сказать в самые недра психической сферы, помимо всякого участия воли и действуют так же неотразимо на субъект, как и внушения, производимые в гипнозе.

Само собой разумеется, что у такого рода лиц внушением в бодрственном состоянии можно пользоваться для лечения так же, как и внушениями, производимыми в гипнозе.

Примером действительности подобного рода внушений, производимых в бодрственном состоянии, может свидетельствовать следующий случай, недавно представившийся моему наблюдению в клинике.

Из истории болезни

Осенью 1896 г. мы приняли молодого человека, который страдал тяжелыми судорожными истерическими приступами и полным параличом нижних конечностей, развившимся в одном из истерических приступов. Этот паралич длился уже более месяца, не поддаваясь никаким вообще терапевтическим приемам, и грозил, таким образом, перейти в те хронические параличи, которые длятся годами и не поддаются излечению. Но во время исследования этого больного совместно с врачами клиники он был загипнотизирован простым закрытием глаз и затем благодаря внушению излечен от паралича совершенно и уже в гипнозе начал ходить.

Когда он был разбужен, то, к удивлению своему, убедился, что он стоит на ногах и может свободно ходить. Больной в восторге отправился сам в свою палату и привел в изумление всех тех, которые за несколько минут перед тем видели его в состоянии полного паралича нижних конечностей, перевозимого лишь на коляске.

С этих пор у больного оставались одни истеро-эпилептические припадки, которые случались с больным довольно часто и продолжались нередко весьма продолжительное время, если они своевременно не были останавливаемы соответствующими внушениями.

Перед тем как демонстрировать больного на лекции пе-

ред студентами, я исследовал его вновь и убедился, что внушения можно свободно производить ему в бодрственном состоянии. Тотчас же ему было произведено внушение о прекращении судорожных приступов и о его выздоровлении.

Внушение подействовало на больного так, что он совершенно приободрился и припадки прекратились.

На другой день на лекции можно было больному в совершенно бодрственном состоянии внушать разнообразные судороги, контрактуры и параличи, иллюзии и галлюцинации – словом, все, что угодно.

Я много раз спрашивал больного, как он может объяснить себе действие внушения наяву, но он на это выражал только удивление вместе с другими присутствовавшими лицами...

Мы сейчас имеем в клинике истерическую больную, у которой в бодрственном состоянии так же легко осуществляются разнообразные внушения, как, напр., иллюзии, галлюцинации и пр., и которая этими внушениями легко излечивается от разнообразных нервных припадков.

Приведенные примеры, подобных которым я мог бы привести довольно много, не оставляют сомнения в том, что внушения в бодрственном состоянии в известных случаях могут быть столь же действительными, как и внушения в состоянии гипноза.

Таким образом, для внушения, в сущности, не нужно сна, не нужно даже никакого подчинения воли внушаемого лица, все может оставаться как обыкновенно, и тем не менее вну-

шение, входящее в психическую сферу помимо личного сознания, или так называемого «я», при отсутствии психического сопротивления со стороны внушаемого субъекта действует с непреодолимою силою на последнего, подчиняя его внушенной идее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.